

Виктор Николаевич Кустов

Провинциалы

Книга 1. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К94

Кустов В.Н.
К94 Провинциалы: Книга 1. Книга 2 / Виктор Николаевич Кустов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 620 с.

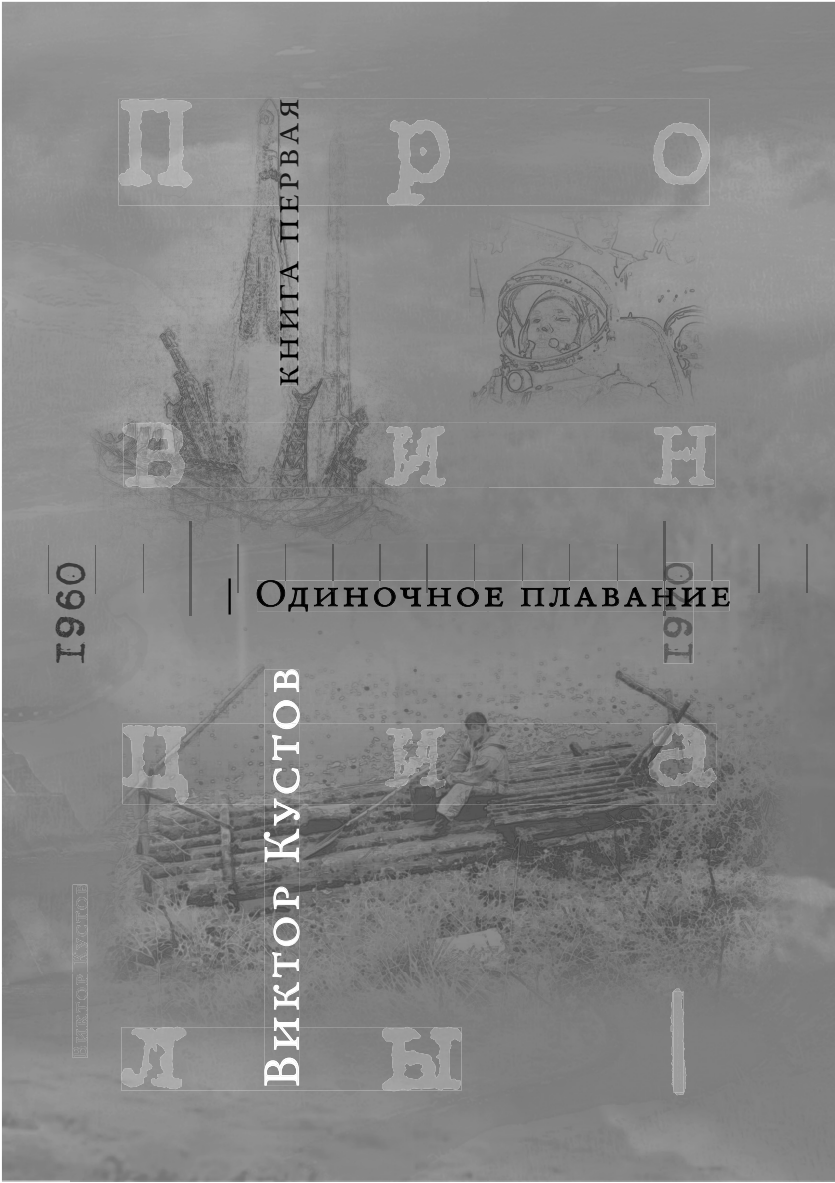
ISBN 978-5-518-41388-7

Повествование "Провинциалы" - эпическое полотно, охватывающее полувековую историю страны, более семидесяти лет известной как Союз Советских Социалистических Республик, а с девяностых годов двадцатого века - как Российская Федерация. В этом томе представлены две книги повествования. Первая книга "Одинокое плавание" рассказывает о шестидесяти годах двадцатого века и показывает многогранность провинциальной жизни - сначала на Смоленщине, затем в Сибири, куда волею жизненных обстоятельств переезжает семья главного героя. В ней ярко и точно отражена атмосфера тех лет, перипетии становления молодого человека советской державы. Вторая книга "Уроки истории", охватывающая семидесятилетие, раскрывает нравственные и идейные поиски, описывает драматические коллизии, возникающие перед теми, кого относят к шестидесятникам, и теми кого можно отнести к семидесятникам. Показана духовная жизнь интеллигенции в Иркутске и Красноярске, события тех лет на грандиозных сибирских стройках, а также на многонациональном Северном Кавказе, куда судьба переносит главного героя. В повествовании отражены реальные события и узнаваемые исторические личности, оно насыщено действием, читается с неослабевающим интересом и соответствует уровню известных эпических полотен русской литературы.

ISBN 978-5-518-41388-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© В.Н. Кустов, 2014

П Р О

КНИГА ПЕРВАЯ

В И Н

1960

ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

1960

Д И А

ВИКТОР КУСТОВ

Л Ы

Виктор Кустов

Каменный мостик через небольшой ручей с крутыми и высокими берегами являлся единственной достопримечательностью города. До войны были еще две: собор, стоявший на левом, крутом, берегу Западной Двины (колокольным звоном он объединял тысячи две домов друг с дружкой да с небесной высью), и добротный, царских времен, большой мост, соединявший две стороны реки. Но и собор с его колокольней, ставшей в военное лихолетье наблюдательным пунктом для корректировки стрельбы, и большой бетонный мост были разрушены во время затяжных боев, когда река на много месяцев стала линией фронта.

Десять лет полуразрушенные толстые стены из красного кирпича напоминали горожанам о греховно забытом Боге. Женщины, живущие на правом берегу, проходя от паромы на базар и обратно мимо этих стен, незаметно крестились, мужики кричали, затягивались едкими самокрутками, в который раз отмечая умение старых мастеров: вот ведь, чего только не делали с этими стенами, из каких калибров не били, живого места нет, а стоят...

Обломки моста, быки, торчащие из воды, меньше бросались в глаза – лишь засушливым летом, когда становились естественным спортивным снарядом для пацанов, перепрыгивающих по ним с берега на берег, да заставляли обладателей лодок проходить это место

с осторожностью, а катера, не часто, но поднимающиеся в город из Витебска, и вовсе не могли идти выше и, если что и привозили для расположенных в верховьях редких селений, выгружали здесь, у паромной переправы, передавая привезенное хозяевам телег или стареньких грузовиков.

...В то лето, не из самых засушливых, но довольно сухое, удивлявшее вечерними сильными бездождевыми грозами, напоминавшими о войне, в город на запыленных грузовиках приехали саперы. Они обложили оставшиеся стены собора взрывчаткой, и однажды июльским безоблачным утром прогремели несколько взрывов, от которых вылетели стекла в близрасположенных домах, и толстые стены старого собора превратились в ярко-красную грудку обломков кирпича. Спустя пару дней еще несколько взрывов потревожили горожан, и остатки большого моста разлетелись по реке, освобождая будущий фарватер (в городе открылась лесосплавная контора, а в верховьях Двины начал работать леспромхоз), оставив лишь прибрежные, не препятствующие судоходству клетки опор.

Битый кирпич от храма постепенно вывезли, место расчистили, разгладили и сделали широкий спуск к переправе, замостив его булыжником. Теперь через реку на пароме переправлялись не только пешеходы и телеги, но и машины, которые прежде подъехать сюда не могли и преодолевали Двину лишь при крайней нужде за семь километров от города, через брод выше Ястребской головки (самое узкое место), на стареньком военном понтоне, с помощью заржавевшей лебедки. В паводок эта переправа не действовала, как и в ледостав и в ледоход. Паром же ходил до крепкого льда (паромщики каждый день скалывали пешнями нарастающий вдоль тросов лед) и начинал работать сразу же после ледохода.

Реликтовый же мостик, небольшой, всего с десяток метров длиной, но мощный, выгнутый, как спина рассерженной кошки, был на своем месте на правом берегу всегда, соединяя берега ручья, впадающего в реку, и продолжая тракт от далекого Смоленска к столь же неблизкому Невелю. Говорили, что по нему в свое время проезжала с надзором за своими западными границами императрица Екатерина.

На этой же правой стороне, на окраине города, располагалась контора леспромхоза, и по мостику каждое утро, кроме воскресенья, проходили Жовнеры. Сразу за мостом они расходились: Полина шла налево, к конторе отдела рабочего снабжения леспромхоза, где служила младшим бухгалтером, а Иван торопился к узкоколейке, пересекавшей тракт, по которой дребезжащая тихоходная дрезина увозила его с лесорубами на делянку, где ночевал его трактор-трелевочник.

Школа, в которую ходил Саша Жовнер, стояла как раз посередине между паромной переправой и каменным мостиком, и улица под окнами его класса периодически наполнялась перестуком тележных колес по булыжникам и тряским урчанием машин. Тогда голос Варвары Ефимовны исчезал в этом шуме, и можно было пошептать с соседом по парте Вовкой Коротким, который на самом деле был самым длинным в классе и самым веснушчатым.

А обсудить было что. Заканчивался апрель, на берегах набухли почки, вот-вот должен был потечь сладкий сок, и днем под яркими лучами солнца по песчаным улицам уже бежали ручьи. Лед на реке стал темным и рыхлым, и по нему отваживались ходить только самые отчаянные смельчаки (которым приходилось закраины либо перепрыгивать, либо перебежать по брошенным доскам), и не было дня, чтобы здесь, у самого берега, кто-нибудь не провалился. Суматошно выскакивая на берег, недотепа, на глазах у подростков, играющих в лапту на вытаявшем пустыре, и стариков, сидящих на скамеечке перед большим домом Сопко, покуривающих ядерный самосад, бежал вверх по косогору, отмахиваясь от безобидных шуток насчет срамного места, которое в таких случаях отогреть надо в первую очередь с помощью соседки или, на худой конец, собственной жинки. Хуже было тем, кто умудрялся провалиться по пути из дома, на той правой стороне. В этом случае бедолага на некоторое время замирал в раздумье, а потом или трусцой продолжал свой путь, или, махнув рукой, торопился обратно на свой берег, уже не осторожничая и с лету преодолевая свою закраину. Как правило, в этом случае такому торопыге везло и он благополучно выскакивал на берег.

Это были последние дни, когда можно было еще покататься на коньках. У Вовки были дутьши, доставшиеся от старшего брата, который осенью ушел в армию и служил где-то на Урале, у Сашки – старые «снегурочки». Они нашли хорошее место: от Вовкиного дома – он стоял как раз там, где ручей впадал в Двину, – вниз по течению, мимо мостовых быков тянулась ровная бесснежная поверхность. Она появилась только этой зимой, когда остатки моста перестали перегораживать реку. Под коньками лед шуршал, потрескивал, прогибался, заставляя сердце быстро-быстро колотиться, а потом на берегу долго еще рассказывать друг другу о самых страшных моментах стремительного и опасного бега...

С каждым днем желающих покататься становилось все меньше и меньше, и теперь выходить на лед из пацанов отваживались только Сашка и Вовка. Из них рискованнее считался Короткий, потому что был почти на голову выше Сашки и весил больше. Сашка первым выходил на кромку, потом катил по прозрачному льду, сквозь который возле за-

водей у камней можно было разглядеть сонных мальков. Но как он ни спешил, на середине дистанции Вовка все равно нагонял его и убегал вперед, и это был самый опасный момент: лед начинал оглушительно рваться, проседать, и Сашка замедлял шаг, уступая без сопротивления. Но так он поступал только сейчас, когда же лед был крепким, он всегда сопротивлялся до последнего, и нередко они, мешая друг другу, спотыкались и падали, и тогда более легкий Сашка катился на бок, на спине или животе дальше, без усилий оставляя друга позади...

Затарахтела под окнами медлительная телега (одноногий Яшка-цыган вез из пекарни с той стороны хлеб в маленький магазинчик возле школы), и под это нудное тарактенье Сашка задал самый главный вопрос:

– Катнемся после школы?

Вовка задумался.

– Хлипко уже, – прошептал он.

– Трусишь?

– Я?..

– Жовнер! – Варвара Ефимовна прошла к их парте, встала в проходе – Что я рассказывала?

Варвара Ефимовна учила их последний год. С пятого класса у них будет много разных предметов и учителей и еще классный руководитель, и об этом было непривычно и в то же время заманчиво думать. Сашке было немножко жалко Варвару Ефимовну, которая чем-то напоминала его умершую бабушку Марфу Федоровну.

– *Мороз и солнце, день чудесный!*

Еще ты дремлешь, друг прелестный...

По тому, как развеселился класс, Сашка понял, что на этот раз не угадал.

– А что еще знаешь из стихотворений Александра Сергеевича?

– Александра Сергеевича?..

– Пушкина, – свистящим шепотом подсказал Вовка.

Обернулась Катя Савина, отличница и самая красивая девочка в классе, окинула его и Вовку снисходительным взглядом.

– *Гляжу, поднимается медленно в гору*

Лошадка, везущая хвороста воз...

– вдруг ни с того ни сего, хорошо зная, что это стихотворение Некрасова (учили на той неделе), брякнул Сашка, и сам заулыбался, под-

давшись общему веселью, сдобренному криками, всхлипами, хлопанием крышек парт и топотом.

– Са-ша... – удивленно протянула Варвара Ефимовна, и он, насупившись, торопливо отбарабанил:

– Я знаю, это Некрасов... Я хотел другое, вот:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

И замолчал, потому что в классе стало оглушительно тихо, и он посмотрел на Варвару Ефимовну, не понимая, почему все повернулись в его сторону...

– Да, это одно из самых замечательных стихотворений Александра Сергеевича Пушкина, – произнесла Варвара Ефимовна и неторопливо вернулась к столу. – Но мы его не учили, и вы еще не скоро будете изучать... А тебе оно понравилось?

Сашка кивнул.

– И как ты его понял?

– Я?.. Не знаю...

Сашка набылчился, усталился в парту, на которой, хоть и замазано было чернилами, можно было прочесть: «Саша+К...». Дальше все было изрезано ножом и букв не разобрать.

– Ну, хорошо... Не будем сейчас говорить об этом стихотворении... Замечательно, что ты любишь Пушкина... Но нужно быть внимательным на уроках. А мы сегодня начинаем изучать басни Крылова... Ты знаешь какую-нибудь?

Сашка помотал головой.

– Ладно, садись и больше не отвлекайся...

Еще раз обернулась Катя Савина, окинула его долгим заинтересованным взглядом и что-то зашептала Наде Беликовой. Та тоже оглянулась, громко фыркнула, наморщив вздернутый носик, махнула головой, и торчащие в разные стороны маленькие косички смешно дернулись.

Варвара Ефимовна продолжила свой рассказ о великом баснописце, который всей душой любил русский народ, живущий в невзгодах, и высмеивал через образы различных зверей богатых нетрудящихся граждан.

– Так катаемся или нет? – не спуская с Варвары Ефимовны глаз, нетерпеливо прошептал Сашка.

– Посмотрим, – неуверенно отозвался Вовка. – Какой лед...

– Последний раз...

– Ладно, – решительно кивнул тот.

Теперь, когда было решено, чем они займются после уроков, надо было придумать, как отомстить этой мартышке Беликовой. Но придумать Сашка ничего не успел, в коридоре раздался дребезжащий звон колокольчика, который тетя Даша трясла самоотверженно, с чувством исполненного долга, отчего звук его был громким и неприятным, и крышки парт радостно захлопали...

– Побежали!

Сашка догнал у двери Беликову, дернул ее за косичку, побежал дальше по коридору, зная, что она сейчас старается его догнать, и, на ходу вдевая руку в куртку, сшитую из отцовской шинели, выскочил на школьный двор. Здесь он легко увернулся от наконец-то догнавшей его Беликовой, дождал Вовку, вышедшего вместе с Катей, пошел с ними рядом.

– Мимолетное виденье... Это кто же, интересно? – не успокаивалась Беликова, не оставляя надежды достать его портфелем, и он огрел ее сумкой с учебниками и тетрадками.

Она замерла и неожиданно жалобно произнесла:

– А я Варваре Ефимовне пожелаюсь...

– Жалуйся, – легко согласился Сашка, хотя Надька вполне могла наябедничать, а Варвара Ефимовна потом вызвала бы в школу мать, и он лишился на несколько дней вечерних гуляний.

– Ты не дразни его, – неожиданно вступилась Катя Савина. – Сама виновата.

– Я виновата? – удивилась Надька. – Кать, ты чего?.. Он меня за косичку дернул...

– Потому что ты ему нравишься. Ты и есть виденье, – сказала Катя, и Сашка почувствовал, что краснеет.

– Вот еще... – взвился он. – Да нужна она мне...

– А кто же тогда?..

Катя посмотрела на него, он встретился с ее взглядом, в котором не было никакого любопытства.

– Что вы к нему пристали, – вступился Вовка. – Я сейчас обеим косы оборву...

Он оглядел сверху всех троих, приподнял и опустил длинную Катькину косу.

– Да ну их. – Сашка перехватил поудобнее сумку. – Пошли быстрее, у нас дело есть...

– Какое это у вас дело? – ехидно поинтересовалась Беликова.

Косички ее опять заманчиво закачались, Сашка с трудом сдержался.